

МЕЖДУНАРОДНОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО

КОНЦЕПЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВ

В.Ф. Антипенко*

Аннотация: На базе оценки международного права развития, причин его слабой действенности в статье представлены международно-правовые аргументы в пользу развиваемой в рамках научной школы «Международная криминология» концепции уголовной ответственности государства.

Ключевые слова: международное право развития; уголовная ответственность государства; обязательность норм; глобальная криминогенность.

Возрастающая в мире конфликтность, сопровождающаяся неправомерным поведением субъектов международных правоотношений, актуализирует вопрос международной уголовной ответственности ключевого участника этих отношений – государства.

Обоснование концепции уголовной ответственности государства в рамках научной школы, осуществляемое с использованием возможностей разных отраслей международного права, аккумулирует все большее число доводов в пользу этой концепции. Достаточно убедительными представляются аргументы такого рода, сформулированные на базе международного права развития, которое хотя и не получило признания

в качестве отдельной отрасли, но заслуживает рассмотрения в качестве перспективного юридического комплекса. Возможности и перспективы международного права развития помогает осознать недавно увидевшая свет монография представительницы одесской школы международного права Наталии Якубовской «Помощь развитию. Международное право развития: идеи, нормы, реализация», которую с полным основанием можно оценить как успех молодого ученого. Работа дает представление об изъянах и скрытых механизмах «торможения» в международном праве, препятствующих его продвижению к вершинам своего регулятивного предназначения, то есть в направлении максимального сближения фактиче-

* Антипенко Владимир Федорович – доктор юрид. наук, профессор, Республика Украина.

ского и юридического равенства субъектов международного права. Это уместно коррелирует с нашим пониманием концепции уголовной ответственности государства поскольку, как нам представляется, гармония этих важных составляющих системы международного права может наполнить последнее качествами полноценной юридической преграды на пути угрожающе растущей лавины глобальной конфликтности и сопряженной с этим международной преступности.

Наше видение концепции международной уголовной ответственности государства в значительной мере проявилось через совокупность доводов, направленных на опровержение позиции ее противников. В качестве основных аргументов оппонентами приводится то, что государство не обладает психофизиологическими свойствами, воплощающими в механизме криминального поведения в целом субъективную сторону состава, что должно находить выражение в таких категориях как психическое отношение к содеянному, виновный умысел, мотивы, цель и т.д.

Находя эти аргументы не лишены оснований лишь в первом приближении, следует все же указать на присутствие «живого» психического начала в преступном механизме поведения государства, например, фашистской Германии. Это начало состоит в симбиозе частной (корпоративистской) воли влиятельных (обладающих реальной властью) лиц и предрасположенного к реализации такой воли, выпестованного конкретно-историческим развитием государственного аппарата. Производить международную криминальность государства указанные составляющие симбиоза – каждая самостоятельно – не могут.

Точнее говоря, это будет либо международная криминальность физических лиц, либо международное правонарушение государства, либо сочетание того и другого, что вполне охватывается существующим в международном праве институтом ответственности, оставляющим таким образом за пределами воздействия главную международную криминальность, властные частноволевые истоки которой растворены в

деятельность государственного механизма, призванного представлять интересы общества и действующего от имени последнего. Следует обратить внимание, что автором не разделяется идея паритетности общей воли (народа), лежащая в основе концепции уголовной ответственности государства, предложенной ее основоположником Веспасианом Пеллой еще в первой половине XX столетия.

Новые доводы и аргументы, обусловленные анализом международного права развития, подтверждают актуальность проблемы уголовной ответственности государства в международном праве: укрепляется мнение, что попытки устранить неравенство и социально-экономическую полярированность в международных отношениях как главного источника глобальной конфликтности и международной криминогенности без задействования указанного института, представляются сомнительными. С другой стороны, не является секретом бессилие международного права развития, которое по существу представляет собой своеобразную, окрашенную юридизмом игру в справедливость и гуманность, где остается незыблемым главный запрет – запрет на реальную юридическую обязательность декларируемых намерений и «порывов» развитого мира к справедливости, равенству и господству права. Демонстрируемая видимость международно-правовой озабоченности во многом обусловлена безудержным накоплением капитала, погоней за повышением нормы прибыли, то есть факторами, отражающими интересы и логику поведения частных лиц и соответствующих корпоративных групп. Эта энергия частной воли, трансформируясь в видимость объективных нормотворческих инициатив государств, оставляет международное право рассматриваемой сферы по существу там, где оно было во времена колониального освоения территорий – за пределами границ христианско-европейской цивилизации. Это, безусловно, актуализирует институт уголовной ответственности государства, реалия криминальности которого и квалификационная конструкция субъективной стороны его преступных действий предпо-

лагаются в юридическом обнаружении «одушевленности» механизмов неправомерного поведения государства.

Способно ли международное право развития имеющимися (не жесткими) юридическими средствами внести изменения в международные экономические отношения? На этот счет есть серьезные сомнения, которые предстоит аргументировать. Что же касается места и роли международного права развития в системе международного права, то, на наш взгляд, для гармонизации соотношения следует основополагающие нормы первого трансформировать в «привычные» нормы второго, не превращая это в какие-то преференции, а тем более – в правовые снисхождения. Материальной основой такой трансформации представляется логическое построение мирового хозяйства с экономически обоснованными ценами на сырье и ресурсы, под чем разумеются равные экономические возможности в получении кредитов, импорте готовой продукции и т.п. Это позволит избежать главного – безылазной долговой кабалы бедных и очень бедных стран (а таковых сейчас более 90), порождающей конфликтоносную поляризацию мира [Якубовская, 2015, с. 40-41]. В целом результаты полемики в этой сфере можно свести к точке зрения, которую позиционировал проф. Энтин М.Л., по мнению которого международное право развития не отрицает общее международное право, а вытекает из него; оно содействует утверждению социальной справедливости в межгосударственных отношениях, узаконивает борьбу народов за реальное равенство против экономического диктата империалистических держав и транснациональных корпораций [Энтин, 1985, с. 140].

Вместе с тем, с принятыми толерантными и даже благодетельными характеристиками международного права развития, особенно в части его влияния на общее международное право, можно было бы согласиться, но с существенной оговоркой. Международное экономическое право (на которое пытается оказать, в частности, влияние

международное право развития) регулирует международные экономические отношения, стержень которых составляют торговые, финансовые и инвестиционные связи государств [Вылегжанин, 2012, с. 23]. Но нацелены эти связи, прежде всего, на накопление капитала, что значительной частью лежит в сфере корпоративных либо частных интересов 1% населения, который владеет большим планетарным продуктом, нежели остальные 99%, а следовательно, обладает реальной властью¹. Государство как субъект международного права, будучи тесно обусловлено в осуществлении реальных властных функций интересами финансово-промышленных элит, может позволить только видимость усилий по гуманизации международного права. Отсюда идея международного права развития, не содержащая в себе инструментов жесткого (хотя и опосредованного) уголовного воздействия на частную волю, с самого начала обречена на неудачу.

Искомую обязательность в резолюциях и других актах мягкого права, каковым по сути является международное право развития, обнаружить трудно по той простой причине, что ее там нет и быть не должно. Ведь нельзя не видеть как притягательны положения Хартии экономических прав и обязанностей государств, Декларации и программы действий по установлению нового экономического порядка, различного рода секторальных схем и программ Генеральной Ассамблеи ООН, ЮНКТАД, как заманчиво они увлекают к романтическим берегам равенства всех народов и государств. Но вряд ли кто всерьез задумался об их воплощении, особенно, когда в середине 70-х годов в ряде стран Латинской Америки, Азии и Африки стали претворяться экономические установки «чикагской школы» Милтона Фридмана, насаждающие дерегуляцию, максимальную приватизацию и устранение всякого протекционизма государства в области социальной политики. Такое развитие событий в международной экономике побуждает к двум ключевым

¹ Oxfam America, Wealth: Having it all and wanting more. Brief, January 18, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.oxfamamerica.org/static/files/Wealth_Having_it_all_and_wanting_more.pdf.

выводам: а) оно является воплощением интересов преимущественно частных лиц и корпоративных групп; б) оно указывает на реальную тенденцию, противоположную смыслу и содержанию международного права развития, то есть его заведомую фетишизацию. Следовательно, ни о каком реальном международном праве развития речи быть не может, точнее как реальность оно никогда не задумывалось и не позволялось. Но не менее важно и следующее. Эта самая нереальность международного права развития предполагает реальность скрытого экономического грабежа слаборазвитых стран и реальность производства таким образом угроз международному миру и безопасности. Однако эти две последние реальности не находят реального воплощения в международном праве развития.

Почетный профессор международного права Женевского института международных исследований Аби Сааб не без сарказма отмечает, что эта впечатляющая нормативная структура (*международное право развития – А.В.*), однако, имела характер мягкого права, если не *lex ferenda*. Соглашаясь фигурировать в некоторых схемах и программах, промышленно развитые страны всегда настаивали на сугубо добровольном характере своего участия в них и отрицали всякий намек на обязательность провозглашаемых в резолюции принципов [Abi-Saab, 1998, p. 263].

Международное право развития после окончания холодной войны так и не стало *lex fata*, находя свое выражение лишь в нормах мягкого права. Развитые государства при этом сохраняют респектабельность и демократический вид, лишь демонстрируя волю к равенству в международных отношениях, которые неуклонно «развиваются» в сторону ущербности и бедности «развивающихся» стран. Такое противовекторное «развитие», сопровождаемое дерегуляцией, абсолютной приватизацией и сокращением социальных выплат, обуславливает накопление капитала и рост нормы прибыли в частном секторе, в том числе и в компрадорском его сегменте. Особенно это стало ощутимо с распространением возможностей информационно-коммуникационных

технологий в условиях виртуальной экономики, перетекающей в характеристики финансового капитала.

Неизменным же спутником такой экономической поляризации являются радикализация глобальных конфликтных процессов, сущность которых проявляется через войны, терроризм, миграционные перемещения больших людских масс, торговлю людьми, наркотрафик, контрабанду оружием. В этом зловещем плавильном котле «антиразвития» широкое применение находят стилизованные под гуманность глобальные политические манипуляции, подвергающие опасности хрупкий мир и трудно вмещающиеся в представления о международной правомерности.

Столь масштабная основа международной криминогенности стала возможной вследствие отсутствия международно-правового контроля над движущей энергией международной криминальности – частными (корпоративными) интересами, той мощной частной волей, которой удается виртуозно укрываться под сенью многоумудрости современного демократического государства, создающего через мимикрию социализации видимость олицетворения воли народа.

Юридическое обнаружение этого зловещего механизма в рамках института уголовной ответственности государства и его пресечения составляет важный предмет научного поиска, в котором весьма полезным представляется анализ международного права развития.

Уход с мировой арены «прямого» колониализма ничего, по сути, не изменил: эксплуататорская система в виде неоколониализма приняла более изощренные формы.

В стремлении приобретать технологии, создавать транспортную и коммуникационную инфраструктуру развивающиеся страны неизменно должны привлекать западных инвесторов и заимствовать у Запада капитал. Вследствие этого в основном «сырьевая» местная продукция сориентирована на экспорт, а не на местное потребление. «Третий мир» остается с недиверсифицированными производственными базами, уязвимыми для торговых барьеров,

создаваемых развитыми государствами для защиты своих производителей, а также зависимыми от общего состояния западных экономик.

Но что же международное право? Как оно реагирует на угрозы всеобщему миру, исходящие от межцивилизационного неравенства? Справедливости ради следует констатировать, что данная проблема находит отражение в международно-правовом процессе. Как уже было сказано, в международном праве образовалась совокупность норм, предварительно определяемая как международное право развития.

Задуманное как система норм, призванных обеспечить постколониальным народам компенсацию в развитии путем устранения дискриминаций и предоставления различного рода преференций, международное право развития с самого начала обречено на бесплотность и бесперспективность. Ведь сама идея компенсаторности ущербна в силу невозможности критерия сопоставимости уровней развития разных цивилизационных культур.

В свое время в XV веке христианско-европейская цивилизация нарушила естественный ход истории через взлом иных цивилизаций и вовлечение их в стандарты чуждой им жизни на том субъективном основании, что последние пребывают на более низком уровне цивилизационного развития. Это – трагическая базовая ошибка, приведшая планету к предкатастрофическому состоянию. Неравенство культур невозможно, ибо каждая культура как система ценностей и надбиологических программ человеческой деятельности и поведения, выступающих условием развития социальной жизни, самобытна и представляет самооценку как плод естественного хода истории. Присвоив же себе право определить верховенство своей культуры и проигнорировав фактор общепланетарного равновесия как долговременную основу, в том числе, собственного благополучия, Запад тем самым обрек мир на антиразвитие. Обогатившись природными ресурсами и рабочей силой Нового Света, он осуществил небывалый технический рывок. С точки же зрения благополучия земного общества как

международно-криминологической категории на самом деле – это рывок в направлении тупика.

Благополучие и процветание так называемого «золотого миллиарда» – это по историческим критериям и меркам лишь иллюзия цивилизационного превосходства, которое все явственнее превращается в зависимость от глобальных процессов. В действительности же во весь рост встали и являются очевидными трагические для всех последствия такого «процветания»: разрушение среды обитания человека, деинтеллектуализация населения, всеохватывающая насильственная конфликтность, асимметрическое содержание которой наполняется невиданной жестокостью – вот неполный перечень основных результатов «развития». Его Запад пытается перепроцировать на слабо развитый сектор планеты, используя, в том числе, и фикцию международного права развития.

Вывод о бесплотности международного права развития основывается, прежде всего, на том простом обстоятельстве, что практически функционирует с 60-х годов XX столетия: его нормы и положения не просто не дали положительных сдвигов в устранении социально-экономического разрыва – не между двумя мирами, «Севером» и «Югом», а скорее, богатейшей элиты планеты (порядка 1 процента жителей) и бедняцкой или уже находящейся в черте бедности остальной части населения. Напротив, международное право развития можно назвать контрпродуктивными, поскольку разрыв между этими частями населения увеличивается. Более того, появляется группа народов, которую охватывает социальное отчаяние, вызванное крушением надежд занимать даже нижайшую ступеньку в нынешней цивилизационной системе (угроза ухода в небытие).

Движимые частными интересами влиятельного меньшинства, развитые государства на самом деле даже не допускают мысли о равноправном распределении технологий и благ, не желают расставаться с доминирующим положением, поскольку это угрожает «знакомому миру» [Валлерстайн, 2003, с.2], разрушает основы при-

емлемого для них способа существования. Поэтому следует согласиться с мнением судьи Международного суда ООН Мохаммеда Бенуи, который характеризует международное право развития как исходящее из предпосылки о том, что богатые осознали свою вину перед бедными и вследствие этого быстро показавшее свою ограниченность, как только речь зашла о всестороннем преобразовании существующей международной системы [Bennouna, 1983].

На бесплотность международного права развития указывает и то, что оно лишь демонстрирует реагирование на слаборазвитость, но не устраняет ее причины – отношения господства и эксплуатации между развитыми и слаборазвитыми странами.

Трудно себе представить – саркастически отмечает профессор африканского права Университета Лондона Антони Аллот – как развивающаяся страна (или группа развивающихся стран) может потребовать и получить компенсацию (и если да, то в каком размере) за невыполнение другими странами обязательств, предусмотренных международным правом развития (если за ним не стоит уголовная ответственность государства) [Allot, 1987, p. 82].

Профессоры Университета Париж Гаи Фаер и Ерве Кассаи также по этому поводу достаточно откровенны. Будучи интервенционистским, указывают они, международное право развития встречает сопротивление со стороны западных промышленно развитых стран, приверженцев либеральной экономики. Этот антагонизм особенно явно проявляется в отношении к принципам, которые провозглашаются с помощью резолюций международных организаций. Международное право развития служит доказательством властных отношений, которые преобладают в международном сообществе, и всей сложности перехода к согласованной правовой системе [Fener, Cassan, 1991, p.112].

Остается лишь вернуться к содержанию «властных отношений» блестяще препарированных известным французским социологом Бертраном де Жувенелем, в которых определяющую роль играют конкретные влиятельные индивиды либо кор-

поративистские группы таких индивидов, слившиеся с исторически выпестованным под эту влиятельность государственным аппаратом [Жувенель, 2011, с. 20, 39, 150]. Следует также напомнить, что реальность предлагаемой концепции уголовной ответственности государства как раз и базируется на том, что преступный механизм в деяниях государства основывается на феномене «частной воли».

Международное право развития не должно сводиться к примитивной компенсации. Предметом его регулирования представляется общее благо международного сообщества. Именно исходя из этой геостратегической цели, оно призвано выстраивать нормы и положения для целей обеспечения неприкосновенности «своего» понимания развития каждой культурой, каждым народом. Международное право развития призвано способствовать возвращению человечества в ритм его многотысячелетней истории, обеспечивая стремление к самостоятельности развития всего многообразия человеческих культур на основе их собственного представления о номинальных материальных и социо-культурных условиях для этого.

Нет сомнений, что лежащая в основе современной западной культуры идеология потребления менее всего подходит для такой миссии международного права развития.

Учитывая, что в основе образовавшейся диспропорции лежал и лежит банальный экономический грабёж, ловко закамуфлированный юридической и политической казуистикой, обязывающим компонентом международного права развития должна быть криминализация соответствующего поведения субъектов колониальных и постколониальных правоотношений, увенчанная криминализацией их ответственности по международному праву.

Под таким углом зрения, открывающим высокое конечное предназначение международного права развития, следует согласиться в принципе с многими оценками его содержания, предлагаемыми авторитетными юристами-международниками в доктрине. Так упоминаемый выше профессор Мохаммед Беджауи определяет между-

народное право развития как современное международное право, пребывающее в процессе трансформации под влиянием процесса деколонизации. Его основу составляют терпимость к освободительным войнам, осуждение колониализма и расизма, создание норм права на основе равноправных отношений, связь между деколонизацией и поддержанием мира и безопасности, право на развитие и, наконец, требование об установлении международного экономического порядка [Bedjaoni, 1979, p. 62].

По мнению профессора Жана Тускоза, право развития объединяет все нормы, направленные на международное содействие развитию. Две группы норм должны учитываться как нормы непосредственно международного права развития. Они развились вокруг возникших недавно юридических концепций, а именно дуализма норм (т.е. разной адресованности развитым и развивающимся странам – автор) и общего достоинства человечества [Тускоз, 1998, с.274-278].

Профессор права Университета Нотр-Дам Патер Слинн отмечает, что в предмет международного права развития входит: новый международный экономический порядок, защита инвестиций, суверенитет над природными ресурсами, деятельность ГАТТ и других международных экономических организаций и т.п. [Slinn, 1987, p. 35].

Принято считать, что сложность вскрытия и искоренения причин ущербных международных отношений связана с отсутствием в них иерархии, затрудняющей определение места и роли в мире разных акторов. Соответственно, международное право является системой права, характерной для такого неструктурированного общества, в котором формально отсутствует центральная власть, способная принудить к исполнению положений и норм.

На самом же деле, то обстоятельство, что международное право образуется путем соглашения суверенных государств, над которыми не существует надгосударственной власти, никоим образом не является препятствием для его эффективности. Построенная на принципе добровольного согласования воли своих субъектов система

международного права по своему потенциалу правоисполнения нисколько не уступает, а возможно превосходит внутреннее право, где доминирует прямое и скрытое принуждение, исходящее от вертикали власти. В целом идеалом является саморегулируемое, самоуправляемое общество, как отмечено не одним автором.

К тому же есть основания полагать, что условное мировое правительство – это все-таки реальность, хотя и не институализированная. Иерархия в нем игроков как государств, так и частных лиц существует и определяется такими известными критериями как военно-экономический потенциал, объём капитала, геополитическое влияние и т.п. Государства и другие субъекты международных правоотношений связаны своими международно-правовыми обязательствами, но также признается и их право самим толковать их. Реальная мировая власть обеспечивается правом санкций, которое предоставлено самим сторонам международных взаимодействий. Основным средством принуждения к исполнению международного являются репрессалии. Накладываясь на не теряющую актуальности базу принципа взаимности (т.е. осознание возможности получить сопоставимые ответные действия и меры), репрессалии являются мощным инструментом властвования тех акторов, которые занимают верхние ступеньки в мировой иерархии.

По сути, на мировом уровне мы имеем дело с не менее жесткой, не менее функциональной, но более разветвленной, более способной к самосохранению системой власти, нежели власть внутригосударственная. Самое удивительное, что в правовом отношении устойчивость мировой власти обеспечивается за счет «неустойчивости» международного права, проявлений его неэффективности, удобно объясняемых властной необеспеченностью и создающих вне рамок взаимности условия для безнаказанности.

Хотя заметим, что естественный ход исторического развития упрямо расширяет эти рамки взаимности, пробуждая к жизни все новые силы, асимметрическая действенность которых побуждает к бо-

лее уважительному отношению к нормам международного права и институту ответственности в нем. Столь произвольная, на первый взгляд, система международного регулирования указывает на то, что необязательность норм международного права вообще и международного права развития, в частности, нужна, прежде всего, развитым государствам и их правящим элитам, поскольку международное регулирование является их безраздельной прерогативой.

Как уже было сказано, генерирующим началом в механизме поведения государства через которое (как ключевой субъект международного права) осуществляется управление мировыми процессами, является частная воля физических лиц (солидаризовавшихся групп лиц), обладающих реальной властью. Учитывая, что такое регулирование происходит вне четких властных и правовых институтов, оно (регулирование) с высокой степенью вероятности обречено на криминальность либо криминальность по международному праву. На наш взгляд, второй сегмент – сегмент потенциальной неправомерности более значителен, поскольку осязаемая часть деяний государств, влекомых частной волей, некриминализована по международному праву, хотя и составляет угрозу международному миру и безопасности.

При этом следует также учитывать отмеченное выше немаловажное для института ответственности обстоятельство, которое состоит в осознании теми самими носителями частной воли, которые подвигают государственный механизм к преступному поведению, своей абсолютной безнаказанности. Ведь принуждение к исполнению норм международного права, если оно претендует на действенность, должно опираться не только на суды, чьи решения уважались бы, и на четко работающие институты и органы поддержания международного правопорядка, которые обеспечивали бы соблюдение процессуальных норм по привлечению виновных к суду, но и на четкое осознание содержания международной противозаконности тех правонарушений, которые приведут их на скамью подсудимых. Однако легитимация камуфлирован-

ности реальной власти настолько высока, что порядок ее функционирования объективно препятствует не только вскрытию присутствия частной воли в неправомерных действиях государства, но и осознанию ее носителями криминальности возбуждаемых ими международных построений.

Для нужд привлечения к ответственности физических лиц, частной волей которых определяются неправомерные действия государства, выделить в качестве субъекта правонарушения и определить степень их участия и содержание противозаконности по международному праву их поведения в отдельном порядке практически невозможно.

Во-первых, потому что рассматриваемый здесь вид международной неправомерности возможен в рамках системы госаппарата, где интересы и обусловленная ими воля частных лиц являются лишь ее элементами. Вне системы частные лица оказываются в положении той самой аристотелевской руки, оторгнутой от тела. Во-вторых, потому что, как уже было сказано, такое поведение достаточно прочно легитимировано в общественном сознании как исполняемое во имя интересов своего народа. Оно (поведение), определяемое большей частью интересами, стремлениями, намерениями представителей финансово-промышленных элит, слабо проявляется в материальном виде и настолько «органично» вписывается в декларируемые демократические ценности, под прикрытием которых государство нередко совершает действия, создающие опасность для мирового сообщества, что распознать его можно лишь в рамках распознавания вины государства, то есть в системе мер уголовной ответственности государства.

Во-третьих, значительная часть действий частных лиц, влекущих международную опасность, не криминализованы по международному уголовному праву, поскольку ассоциируются с экономической целесообразностью, волей народа и не связываются с признаками конкретных составов международных преступлений. В «лучшем» случае их либо относят к нарушениям международных норм морали, либо уводят

в сферу детерминизма как причины, предпосылки и условия международных преступлений. В таком же качестве они в подавляющем большинстве случаев становятся предметом внимания норм морали и политической дискуссии.

В-четвертых, международное уголовное право, на наш взгляд, еще не совсем готово для целей определения составов международных преступлений, их элементов, а также к тому, чтобы в интересах определения различного рода масштабных международных преступных механизмов, оперировать глобальными категориями. Для таких целей международное уголовное право должно обрести способность выделять глобальные признаки составов, распознавать глобальные причинно-следственные связи, а следовательно, определять виновных (в виде государств во всем комплексе механизмов и лиц, их составляющих) в таких, например, серьёзных рукотворных угрозах международной безопасности (то есть возможных международных преступлениях) как конфликты на Балканах, в Северной Африке, на Большом Ближнем Востоке, в Центральной Азии и др.

Из этого следует, что оценка содержания совершенных частными лицами правонарушений должна базироваться на определении их частных интересов в двигательных мотивах преступных действий государства и соответствующих поведенческих признаков, указывающих на наличие таких интересов и попыток их воплощения. При этом важно, что такие интересы, сливаясь в гармонии готовности их реализации с госаппаратом, одновременно определяют и виновный умысел государства, что составляет субъективную основу института уголовной ответственности последнего.

Отточенный веками и подготовленный безукоризненно демонстрировать волю народа, даже когда таковая отсутствует, а то и вовсе противоположна, государственный механизм способен настолько надежно укрывать интересы, а тем более, волю частных лиц, что они оперируют в международном пространстве, теряя представление о критериях различия между правоммерностью и криминальностью. Эффективность

симбиоза усиливается тем, что частная воля в ответ прилагает значительные усилия по имиджевой поддержке государства как демократического института современности, способного осуществлять регулирование мировых процессов. И эта «плодотворная» взаимность вполне успешно действует и развивается практически вне института ответственности.

Итак, введение института уголовной ответственности государства могло бы благоприятно сказаться на достижении целей, стоящих перед международным правом развития. Вместе с тем, и само это право требует серьезных содержательных изменений. Как мы установили, положительные сдвиги в этом вопросе следует связывать с обязательностью норм и положений международного права развития, а также с введением такого уровня ответственности по международному праву, который бы обеспечивал распределение ее бремени на весь глобальный механизм продуцирования мировой кризисности, глубокого разрыва в экономическом развитии и глобальной насильственной конфликтности.

Проблема обязательности норм международного права развития не нова. Многие ученые высказывают обеспокоенность перенасыщенностью этого направления в международном праве «мягкими источниками». Уравнивание в праве развития договорных и обычных норм с ненормативными резолюциями считается ими неприемлемым.

Актуальность проблемы необязательности международного права развития для нужд обоснования концепции уголовной ответственности государства требует отдельного рассмотрения. Здесь также стоит отдать должное системной работе Н. Якубовской, которой удалось выстроить впечатляющий фактический материал. Примечательна, в этом плане, позиция профессора Моника Шамийе-Жандро, который, считает, что право развития регулирует иллюзии и является поэтому идеологией [Якубовская, 2015].

В создавшейся мировой обстановке решать вопросы международной уголовной ответственности за причинение бед и страданий миллиардам людей по принципам

Нюрнбергского и Токийского международных трибуналов вряд ли возможно, учитывая разную правовую природу происходящего.

Во-первых, персоналии виновных в трагедии Второй мировой войны были достаточно очевидны и юридический процесс, выстраиваемый на принципе уголовной по международному праву ответственности физических лиц со всей очевидностью представляется эффективным. Эти доводы, как мы убедились, невозможно привести в отношении нынешней ситуации. Во-вторых, в эпицентре бойни Второй мировой войны естественно оказался так называемый цивилизованный мир. Большая часть разрушений и жертв пришлась на европейскую часть планеты и Японию, также претендовавшую на одно из ключевых мест в цивилизованном континууме. Жуткие же реалии сегодняшнего дня не смущают (и не пугают) мировую власть предрежащих: им удастся сбалансировать мировые процессы таким образом, что войны, голод, страдания и жертвы перенесены на территории, в основном населенные народами, отношение к которым, иначе как к расходному биоматериалу не назовешь. Причем удивительным является то, что международно-правовое регулирование, «обеспечивающее» устойчивость этого процесса, происходит на фоне видимости стремления к императивизации основных норм и положений международного права, демонстрации приверженности к фундаментальной его ценности: *aequum et bonum, est lex legume*.

Главный парадокс в решении задачи обязательности норм международного права развития, предполагающих упреждение конфликтности, а значит, и преступности в международном сообществе, состоит в противоречии понимания проблемы с практикой по ее решению.

И в доктрине, и в практике правоотношений не существует сомнений относительно того, что воплощению права на равенство должна корреспондировать юридическая

обязанность развитых государств предоставлять помощь развитию отстающих.

Проведя анализ реального положения дел по двум направлениям – в сфере договорного и обычного права, Н. Якубовская приходит к неутешительным выводам. Прежде всего, сомнения в твердости обязанности предоставлять помощь развитию вызывает главный источник, из которого такая обязанность должна вытекать – это статей 55 (а) и 56 Устава ООН, которыми определяется цель создания условий стабильности и благополучия в мировом сообществе. Является очевидным, что четкой юридической обязанности предоставлять помощь развитию Устав ООН не содержит. Не выливаются в такую обязанность попытки в сочетании с четвертым принципом международного права Декларации 1970 года [Hoof, 1983, p. 324]. В доктрине подобная оценка следует на весьма высоком уровне, например, у профессора Г. Кельзена [Kelsen, 1950, p. 99-100], профессора В. Верви [Verwey, 1981, p. 21] и др.

Попытка придать нормативный характер обязанности предоставлять помощь развитию усматривается и в статье 2 (1) Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 года, которая предусматривает, что каждое государство обязуется в индивидуальном порядке международной помощи и сотрудничества принять в максимальных пределах имеющихся ресурсов меры к тому, чтобы обеспечить постепенно полное осуществление признаваемых в Пакте прав.

Между тем юридически нечетко сформулированное обязательство дало возможность «мировому сообществу» отрицать таковое и не включить в текст Факультативного протокола к указанному Международному пакту положений, которые бы предписывали государствам юридическую обязанность к предоставлению помощи (не признали такую обязанность при обсуждении представители Великобритании, Канады, Франции, Чехии, Португалии)².

² Факультативный протокол к Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах, принят резолюцией 63/117 ГА от 10 декабря 2008 года. С.22 Электронный ресурс – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/optprotocol/iceser.shtml.

На основании такого анализа широкого спектра норм и доктринальных мнений Н. Якубовская обоснованно приходит к выводу о том, что договорное международное право не содержит норм, из которых может быть выведена обязанность предоставлять развивающимся странам помощь [Якубовская, 2015, с.105-106].

Еще более красноречивой по своей парадоксальности выплывает картина в сфере обычного права. Оценка содержания резолюций и других официальных документов, посвященных вопросам предоставления помощи для развития, которые могут быть использованы для подтверждения наличия *opinio juris* в отношении обязанности, по мнению автора, указывает лишь на демонстрацию намерений [Якубовская, 2015].

Повышенное внимание к вопросу о фактическом отрицании в праве обязанности представлять развивающимся странам помощи объясняется отнюдь не потребностями поупражняться в терминологической казуистике. В действительности, это глобально значимый вопрос, определяющий существующее мироустройство. Именно создаваемая видимость стремления поиска путей мирового сообщества к равенству через фикцию обязательности правовых норм, призванных обеспечивать равные условия развития, указывают на: а) оберегаемость состояния экономического процветания и доминирования группы избранных государств и их элит; б) неблагоприятную роль, отводимую международному праву, как инструменту, обеспечивающему эту видимость, удерживающую мир в конфликтном неравенстве.

Попытки развивающихся стран вырваться из железных объятий доминирующего мирового капитала, движимого частной волей его ключевых игроков, успехом не увенчались. Так, для защиты своего суверенитета от диктата крупного международного капитала развивающимися странами в середине 60-х годов была предпринята попытка принятия Кодекса поведения транснациональных корпораций, которая закончилась ничем. Лишь благими намерениями остались в истории международного права развития предложения развивающихся

стран принять Международный кодекс поведения в области передачи технологий, а также их требования о предоставлении льготной помощи на цели развития [Системная история, 2000].

Несколько большую по правдоподобности видимость воплощения обрели инициативы развивающихся стран по перестройке мировой торговой и финансовой системы в рамках концепции упоминаемого выше нового международного экономического порядка, который провозглашен резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 3201 (S-VII) от 1 мая 1974 года, принятой на ее Специальной сессии. Там же резолюцией 3202 (S-VII) была принята также Программа действий по установлению нового экономического порядка, содержащая конкретные меры по осуществлению Декларации об установлении нового международного экономического порядка. Еще одним обстоятельным документом, могущим претендовать на *opinio juris* в сфере регулирования развития, явилась Хартия экономических прав и обязанностей государств, принятая резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 3281 от 12 декабря 1974 года, которой досталась роль всего лишь красивой игрушки. Такая же участь юридической бесплотности постигла принятую в 1986 году Декларацию о праве на развитие.

В целом же исследование проблемы так называемого международного права развития, являющейся международно-криминологической по своей сущности, оказалось чрезвычайно полезным для понимания актуальности концепции уголовной ответственности государства, значительно укрепило аргументы в пользу этой концепции.

Возникшая (в своем современном виде) под впечатлением ужасов Второй мировой войны и осознания апокалиптических «способностей» человеческого общества по самоуничтожению, идея единства планеты нашла свое воплощение в национально-освободительном движении 60-х годов. С известной долей политического романтизма эта идея стала интенсивно наполняться международно-правовым содержанием, что и выразилось в формировании норм и поло-

жений, которые объединились под общим (возможно, условным) названием международного права развития.

Однако на пути развития «для всех» встал составляющий сущность неограниченно свободного рынка (и возобладавший над государством) принцип безоглядного накопления капитала, отражающий корпоративные интересы (рост прибыли) представителей вчерашних метрополий. Укрывая свой частный интерес в сложной системе демократии государства, и умело манипулируя его юридическим статусом ключевого субъекта международного права, глобальный частный капитал выхолостил (и продолжает это делать сейчас) производительную сущность норм и положений международного права, призванных нести равенство в условия для самодостаточного развития стран и народов независимо от их экономического состояния и культурно-цивилизационной природы. Созданная таким образом фикция с ее юридической бесплотностью получила название международного права развития. Стоящая за этой фикцией частная воля продолжает двигать ее в конфликтообразующем и разрушительном для мира и его безопасности направлении путем так называемой дифференциации и фрагментации сообщества развивающихся стран, разрушения возможностей его международно-правового сопротивления этому, основанного на консолидированном правотворчестве в Генеральной Ассамблее ООН.

Основа этого в мировой экономике выражается в замене девелопменталистской идеи кейнсианства (по Менарду Кейнсу) на

отвечающую экспансионистской сущности частного капитала экономическую модель от «чикагской школы», которую принято связывать с именем Милтона Фридмана. Характеризуемая дерегуляцией, максимальной приватизацией и предельным сокращением социальных компенсаций, эта модель как раз и коррелирует с юридической фикцией международного права развития, призванной способствовать экономической фикции видимости объективного рыночного обустройства мира, и таким образом нивелировать в нем нарастающий протестантизм и радикализм.

В научно-теоретическом аспекте препарирование сущности международного права развития, обнажив проблему необязательности норм, призванных осуществлять регулирование на линии водораздела глобального социального конфликта, материализует тем самым юридическую конструкцию института уголовной ответственности государства по двум основным направлениям: а) устранение необязательности норм как условие, без выполнения которого всякая юридическая ответственность, а тем более, уголовная ответственность государства немислима; б) подтверждение под (международно-криминологическим) углом зрения оценки взаимоотношений развитых и развивающихся стран важного элемента субъективной стороны криминального поведения государства в лице «одушевленного» психического фактора, каковым является частная воля индивидуумов, встраиваемая в мотивы государства в виде интерпретации воли народа.

Литература

1. Жувенель Б. де Власть: Естественная история ее возрастания. – М.: ИРИСЭН. Мысль, 2011. – С.20, 39, 150.
2. Иммануэль Валлерстайн. Конец знакомого мира: Социология XXI века. – М.: Логос, 2003. – 368 с.
3. Вылегжанин А.Н. Международное экономическое право / А.Н. Вылегжанин, Д.К. Лабин, В.М. Шумилов. – М.: Кнорус. 2012. – 272 с.
4. Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918-200/отв. ред. А.Д.Богатуров. – М.: Московский рабочий, 2000. – Т-3.
5. Тускоз Ж. Міжнародне право: підручник: пер. з фр./ Ж.Тускоз. – К.: Артк, 1998. – с.274-278.
6. Энтин М.Л. Международное право развития: проблемы формирования и реализации/ М.Л. Энтин// Советское государство и право. – 1985. – N2.

7. Якубовская Н.А. Помощь развитию// Международное право развития: идеи, нормы, реализация/ Н.А. Якубовская. – К.: Юринком Интер, 2015.
8. Abi-Saab G. Whither the international community?/ Georges Abi-Saab//European Journal of International law. – 1998. – N9(2). – P.263.
9. Allot A. The law of Development and the Development of Law// International law of Development: comparative perspectives/ Snyder Fand, Slinn P.(eds). – Abindon: Professional Books, 1987. – P.82.
10. Bedjaoni M. Towards a new international economic order/ Mohammed Bedjaoni. – New York: Holmes Meir, 1979. – P.62.
11. Bennouna M. Droit international du development: tiers monde et interpellation des droit international/Mohammed Bannouna. Paris: Berder-Zevrault, 1983. – 335 p.
12. Fener G. Droit international du development (2e ud). / G.Fener, H. Cassan. – Paris Dallloz, 1991. – P.1.
13. Hoof G.Y.H. Rethinking the sources of international law/ G.Y.H. van Hoof. – Deventer: Kluwe Publishing, 1983. – P.324.
14. Kelsen H. The law of the United Nations: A Critical Analyses of Fundamental Problems/ Hans Kelsen. – London: London Institute of worlds Affairs, 1950. – p.99-100.
15. Slinn P. Differing Approaches to the Relations Between International Law and Development// International Law of development: comparative perspectives/Snyder F. And Slinn P. (eds.). Abingdon: Professional Books, 1987. – P.35.
16. Verwey W. The Establishment of a new international economic order and the realization of the right to development and Welfare – a legal survey/ Wil Verwey // Indian journal of international law. – 1981. V.21. – p.21.

To the Question of Criminal Responsibility of States

*Vladimir F. Antipenko**

Annotation: The concept of criminal responsibility of a state is addressed on the basis of the international development law through the analysis of its low applicability. The author presents international legal arguments in favour of the concept of international criminal responsibility of states in the framework of the research school in international criminology.

Keywords: international development law; criminal responsibility of states; binding norms; global criminality.

References

1. Zhuvanel' B. De. Vlast': Estesvennaja istorija ee vozrastanija [Power: the original history if its development]. – M.: IRISJeN. Mysl', 2011. – S.20, 39, 150.
2. Immanujel' Vallerstajn. Konec znakomogo mira: Sociologija XXI veka [The End of the World we Know: the Sociology of the 21st Century]. – M.: Logos, 2003. – 368 s.
3. Vylegzhanin A.N. Mezhdunarodnoe jekonomicheskoe pravo [International Economic Law] / A.N. Vylegzhanin, D.K. Labin, V.M. Shumilov. – M.: Knorus. 2012. – 272 s.
4. Sistemnaja istorija mezhdunarodnyh otnoshenij v chetyreh tomah. Sobytija i dokumenty. 1918-2000 /otv. red. A.D.Bogaturov [The Systemic History of International Relations in 4 Volumes. Events and documents. 1918-2000 / edited by A.D. Bogaturov]. – M.: Moskovskij rabochij, 2000. – T-3.
5. Tuskoz Zh. Mizhnarodne pravo: pidruchnik: per. z fr./ Zh.Tuskoz [International law: the Handbook: translated from French / Tuskoz Zh.].– K.: Artek, 1998. – s.274-278.
6. Entin M.L. Mezhdunarodnoe pravo razvitija: problemy formirovanija i realizacii/ M.L. Entin// Sovetskoe gosudarstvo i pravo [International development law: the problems of formationa and realization // M. L. Entin// The Soviet State and Law]. – 1985. – N2.

* Vladimir F. Antipenko – Doctors of Laws, professor, The Republic of Ukraine.

7. Jakubovskaja N.A. Pomoshh' razvitiju// Mezhdunarodnoe pravo razvitija: idei, normy, realizacija / N.A. Jakubovskaja [Assistance to Developent: Ideas, Norms, Realization / N.A. Jakubovskaja]. – K.: Jurinkom Inter, 2015.
8. Abi-Saab G. Whither the international community? / Georges Abi-Saab//European Journal of International law. – 1998. – N9 (2). – P. 263.
9. Allot A. The law of Development and the Development of Law// International law of Development: comparative perspectives/ Snyder Fand, Slinn P. (eds). – Abindon: Professional Books, 1987. – P. 82.
10. Bedjaoni M. Towards a new international economic order/ Mohammed Bedjaoni. – New York: Holmes Meir, 1979. – P. 62.
11. Bennouna M. Droit international du development: tiers monde et interpellation des droit international/Mohammed Bennouna. Paris: Berder-Zevrault, 1983. – 335 p.
12. Fener G. Droit international du development (2e ud)./ G.Fener, H. Cassan. – Paris Dallloz, 1991. – P.1.
13. Hoof G.Y.H. Rethinking the sources of international law/ G.Y.H. van Hoof. – Deventer: Kluwe Publishing, 1983. – P. 324.
14. Kelsen H. The law of the United Nations: A Critical Analyses of Fundamental Problems/ Hans Kelsen. – London: London Institute of worlds Affairs, 1950. – p. 99-100.
15. Slinn P. Differing Approaches to the Relations Between International Law and Development// International Law of development: comparative perspectives/Snyder F. And Slinn P. (eds.). Abingdon: Professional Books, 1987. – P. 35.
16. Verwey W. The Establishment of a new international economic order and the realization of the right to development and Welfare – a legal survey/ Wil Verwey // Indian journal of international law. – 1981. V.21. – p. 21.